

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стекланные куклы
Пепел сердца
Ночь сурка
Отражение бабочки

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны
Браслет с Буддой
Игла в сердце

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны
Без прощального письма
Плод чужого воображения

*Инна
Баринская*

Игла
в сердце

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серийного оформления А. Саукова
Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева
Редактор серии А. Антонова

Бачинская, Инна Юрьевна.
Б32 Игла в сердце : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106371-9

В комнате Инги Борисенко, жены крупного бизнесмена, недавно погибшей от передозировки снотворного, найден «подклад на смерть» — исколотая иголками тряпичная кукла вуду. Кто и зачем подбросил Инге страшный подарок? И действительно ли случайной была ее гибель? Вскоре такая же кукла обнаруживается в другом месте, потом в третьем, четвертом. И снова — покушения, мистический ужас, странные смерти. Расследованием череды запутанных преступлений одновременно занимаются капитан Астахов и частный детектив Александр Шibaев, которому неожиданная встреча с «кукловодом» может стоить жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106371-9

© Бачинская И.Ю., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Никому не отпустила и не отпусти –
Одному не простила и не прошу
С дня как очи раскрыла – по гроб дубов
Ничего не спустила – и видит Бог
Не спущу до великого спуска век...
– Но достоин ли человек?..
– Нет. Впустую дерусь: ни с кем.

Марина Цветаева.
Никому не отпустила и не отпусти...

Все действующие лица и события романа
вымышлены, любое их сходство с реаль-
ными лицами и событиями абсолютно
случайно.

Автор

Пролог

Месяц задумчивый, полночь глубокая...
...И сновиденьем, волшебною сказкою
Кажется ночь...

И. Бунин. Месяц задумчивый...

...**Е**е разбудила музыка. Она прислушалась. Чья-то неторопливая рука перебирала клавиши фортепьяно в гостиной. Мелодии не было, просто неровные слабые звуки. В спальне горел ночник – тусклый голубой овал лежал на белом коврик у кровати. Она отбросила одеяло, спустила ноги и почувствовала мягкий ворс. Показалось? От напряжения звенело в ушах. Она сглотнула и перевела дух. Конечно, показалось. Расшалились нервы, таблетки не помогают, нужно менять доктора.

Она уговаривала себя и успокаивала, испытывая тоску и тревогу, понимая, что не показалось, а если все-таки показалось, то она сошла с ума. Володя считает ее истеричкой, так и сказал: «Истеричка!» Он не верит, что она по ночам слышит музыку. Говорит: «А голосов не слышишь?» – и так смотрит...

Музыка послышалась снова. Мягкие вкрадчивые звуки. Она вскочила с кровати и бросилась из спальни.

В гостиной было светло от луны, на полу лежали черные тени — переплеты оконных рам. Крышка пианино была поднята — резко бросались в глаза черные и белые клавиши, — табурет отодвинут. Большая фотография, ее любимая — они с Володей на лыжном курорте в Зальцбурге, она в белом костюме, Володя в голубом, с лыжами на плече, радостные, смеющиеся, счастливые, — лежала на полу изображением вниз. Шторы были раздернуты, хотя она лично каждый вечер проверяет, чтобы их задергивали на ночь. Или задергивает сама. Она застыла на пороге и прислушалась. *Этот*, кем бы он ни был, еще здесь. Он не мог уйти, она услышала бы, как закрылась дверь. В доме стояла тишина. За окном была ночь и светила луна. Зияла чернотой распахнутая дверь в кабинет Володи.

— Эй, ты! — вдруг закричала она, до боли сжимая кулаки. — Пошел вон! Ненавижу! Что тебе надо? Сволочь! Подонок!

Она кричала и топала ногами, вне себя от злобы, тоски и гнева. В гостиной стало темнее — луна скрылась за тучей. Она сделала несколько шагов, намереваясь поднять фотографию, и вдруг почувствовала, что скользит; задохнулась от ужаса, взмахнула руками, пытаясь удержаться, и упала — рухнула как подкошенная, почувствовав под собой мокрое и холодное... Кровь!

Она сидела на полу, рассматривая собственные руки, пытаясь оттереть их о ночную рубашку.

— Господи! — взмолилась. — Не мучай меня! Что тебе надо? Зачем?

Ей показалось, что в глубине квартиры захлопнулась дверь; она закричала — тонко, пронзительно, спрятала лицо в ладонях и потеряла сознание...

Глава 1 За расставанием будет встреча?

Номер гостиницы, не самой богатой, но вполне приличной. Маленький островок, за которым враждебный мир, и только здесь они могут быть вместе. На пару часов всего. Пара часов любви, ласки, обмена мыслями и откровениями. Голова женщины лежит на плече мужчины.

— Твои волосы так пахнут... — бормочет он. — Я скучаю по тебе, ты мне снишься. Ты мое наваждение...

— Мы сейчас почти не видимся, я тоже скучаю. Ты говорил, что придумаешь что-нибудь...

— Я все время об этом думаю. Нужно подождать, ты же сама понимаешь...

— Понимаю, но я устала... Если бы ты знал, как я устала!

— Потерпи немного. Я люблю тебя. Ты мое чудо нежданное-негаданное.

— Это ты мое чудо! Я тоже тебя люблю. Поскорей бы. Мне так одиноко, лежу ночью и думаю, вспоминаю... — Она прижимается к мужчине, смеется. — Щекотно! Ты дышишь мне в волосы!

Он дует ей в волосы, она зажмуривается.

— Перестань! А то я улечу.

— Не улетишь, я тебя держу.

— Держи крепче, — она вздыхает. — Когда же? Я устала ждать, ты говорил...

— У нас все будет! — перебивает мужчина. — Нужно только подождать, я что-нибудь придумаю. Ты мне веришь? Главное — верь мне.

— Верю. Но... хотелось бы побыстрее.

— Несмотря ни на что, мы вместе, и это главное. Ты это понимаешь? — Он наливает в бокалы на тумбочке шампанское, протягивает один ей. Они пьют, глядя друг дружке в глаза. — Иди ко мне! — Мужчина отбрасывает простыню, прижимает ее к себе. — Ты моя девочка, — шепчет он, — ты сводишь меня с ума, ты снишься мне каждую ночь... Какая ты красивая! — Он проводит рукой по ее груди, целует мелкими поцелуями ее лицо, впивается в губы. — Я хочу тебя! Иди ко мне...

Дыхание его хрипло, ноздри раздуваются, глаза налиты кровью. Они сцепились взглядами, он напоминает ей дикого зверя; голова идет кругом от его рук, от шампанского, от запаха его тела...

...Он смотрит на часы. Осторожно снимает ее голову со своего плеча.

— Уже? — Она старается не выказать обиды и разочарования. Очень старается. — Тебе пора?

— Пора, — голос у него виноватый. — Честное слово... Я должен бежать.

— Когда теперь?

— Понимаешь, тут такое дело... — Он запинается и отводит взгляд. — Некоторое время мы не должны видаться. Временно.

— Почему? — Она приподнимается на локте, вглядываясь в его лицо.

— Поверь мне, так будет лучше. Я не могу сказать всего... Просто поверь мне. Это ненадолго. Честное слово.

— Ненадолго... На сколько? — Она ненавидит себя за настойчивость. Она понимает, что ему нелегко. Но не нужно бы ему отводить взгляд...

— На пару месяцев всего. Может, немного больше. Пожалуйста, ни о чем не спрашивай. — Он не смотрит на нее.

— Я позвоню? — говорит она, по-прежнему пристально глядя на него.

— Не нужно. — Он одевается, по-прежнему не глядя на нее. Она наблюдает за ним, сидя в кровати, подложив под себя подушки, обхватив руками колени. Нагая. У нее красивое тело... — Я сам позвоню. Не обижайся, малыш, ладно? Ты же знаешь мои обстоятельства. Идиотская ситуация! — Похоже, он спешит, движения его неровны, он роняет на пол рубаху.

— Знаю. Но ты ведь говорил...

— Сейчас не время, поверь. Все будет хорошо.

Он целует ее в лоб и поспешно выходит из гостиничного номера. Не выходит — выскакивает! Женщина остается одна; все так же неподвижна, все так же обхватив руками колени, она бессмысленно смотрит на захлопнувшуюся дверь. Переводит взгляд на прикроватную тумбочку, где лежит конверт с деньгами...

— Ты же знала, что так будет, — шепчет она. — Ты же все прекрасно понимала. Господи, как все просто. При-

шел, снял напряжение, оставил деньги. Ненавижу! — Она отшвыривает от себя конверт; по полу веером разлетаются зеленые купюры. — Шлюха! Девочка по вызову! И вся любовь. Любовь?

Она рыдает, уткнувшись лицом в смятые гостиничные простыни, давая рыдания, молотя кулаком по гостиничной кровати...

«Перестань реветь, — говорит она себе. — Ты же чувствовала, что финита, ты же все понимала!»

У любви как у птички крылья, летает, где хочет и куда хочет. Горел, сходил с ума, дрожал от нетерпения, затаскивал в машину, летел на красный. В их гнездо, эту гостиничку, единственное достоинство которой — удаленность от центра. Их не должны видеть вместе. Переносил через порог, срывал платье, обцеловывал каждый пальчик... Дня не мог прожить в разлуке. А теперь... Последний раз они виделись три недели назад. Вот и вся любовь. Придет, не спросясь, и уходит, не прощаясь.

«Успокойся, — говорит она себе. — Не накручивай. Мы вместе, он любит... Все еще... Наверное...»

Перед ее глазами — виноватое лицо любимого, его уклончивый взгляд... Она вспоминает поспешность, с какой он одевался, а потом выскочил за дверь... С облегчением! И просьба не звонить, и последнее свидание три недели назад... Не нужно себя обманывать: похоже, ты проиграла, бедная Золушка. Бывает. Не смертельно. Ты ведь тоже бросала, правда? И они тоже корчились от боли, помнишь? Тот, некрасивый, с веснушками, одноклассник... Будь умницей, иди умойся и прими душ. А потом

поужинай с шампанским, здесь неплохая кухня. Закажи в номер. Вон сколько денег!

Нет! Ты надела новое платье — синего тяжелого шелка, с разрезами на боках, с глубоким вырезом, страшно дорогое. Он любит синее! Синий — его любимый цвет. Надела для него, а он даже не заметил. Вот и выйди на люди, хватит прятаться, в новом платье ты... Ты Мисс Вселенная! Так он назвал тебя однажды... Пусть смотрят и думают: а что же она такое отмечает в одиночестве, эта красавица? Какой такой праздник? Вот так бы встать и заявить им в лицо: «Меня бросил мой любимый!» Она представила себе их лица и невольно улыбнулась. Можно еще бокалом об пол. Тоже как бы знаково. Страдать красиво — искусство. Чтобы без соплей и распухшего носа. И вообще.

«Еще не вечер, жизнь продолжается, впереди еще много всего, — говорит она себе. — И не вздумай реветь! Слышишь? Не вздумай! Ты же сама все понимаешь, ты умная девочка. На что ты рассчитывала? Ты же понимала с самого начала, что это тупик. Да, понимала! Но надеялась и верила в прекрасную сказку про ту замарашку с кухни и принца. Не реви, черт бы тебя подрал!»

Но слезы катятся сами; она чувствует холодные дорожки на щеках...

* * *

...Человек обошел дом кругом, проверяя окна. Было у него чувство, что повезет. Он не ошибся: то окно, что смотрело в сад, было лишь прикрыто. Дом был пуст, хозяин ушел, он сам проводил его до перекрестка, где тот

остановил частного и уехал. Тогда он вернулся, чтобы проникнуть в дом.

Человек толкнул раму и оглянулся, прислушиваясь. Уличные шумы почти не долетали сюда, здесь стояла тишина, какая-то заторможенная и выжидательная, и было темнее, чем на улице. Скребла ветка по стеклу, и кто-то шуршал в траве. Человек сглотнул, чувствуя... страх? Скорее, неуверенность. Бояться нечего. *Тот* уехал и вернется не скоро. Он всегда уезжает в это время, ужинает в «Английском клубе» или в «Прадо», иногда один, иногда в компании солидных людей, что странно – уж очень они разные. И дела у них, должно быть, сомнительные...

Он похлопал по карману куртки – фонарик был на месте. Снова прислушался и толкнул раму сильнее. На него пахнуло запахами чужого жилья, и он отпрянул. Потом вскочил на подоконник и спрыгнул на пол уже в доме. Достал фонарик. Луч obeжал комнату по периметру. Это была спальня. Белые стены, громадная черная кровать под черным покрывалом, тумбочка у изголовья, тоже черная, и черная шкура оленя на полу. Черный шкаф во всю стену. Окно, наглухо закрытое темной шторой. Пустота и простота монашеской кельи. Черное и белое. Аскеза, от которой дерет по нервам. Человек поежился – ноздри раздувались от знакомого запаха лаванды, сердце колотилось в горле, готовое выскочить... И волна ненависти. Его захлестнула ненависть! Ненависть, от которой померкло в глазах и появилась давящая тяжесть в животе. Он закрыл глаза, пережидая приступ, стараясь дышать ровно, восстанавливая дыхание.

Он открыл дверь, вышел в коридор. Следующая дверь вела в ванную. Он включил свет и застыл на пороге, с болезненным любопытством рассматривая операционную белизну кафеля, белую занавеску для душа, простой белый коврик на полу. Он подошел к зеркалу над умывальником, взял один из флаконов, открутил пробку, понюхал. Аккуратно закрутил пробку и поставил на место. Взял щетку для волос... Взгляд его упал на собственное отражение, и он попятился: из зеркала на него смотрел человек с чужим лицом. Он был одет в джинсовую куртку, на голове его была бейсболка, в руках он держал щетку для волос, но это был не он! Он не узнал себя! Испытывая ужас, почти животный, он ринулся вон. В коридоре прислонился к стене, тяжело дыша, переживая паническую атаку...

Он безошибочно нашел гостиную; застыл на пороге, обещав лучом скромную обстановку: громадный кожаный диван, журнальный столик, два кресла — одно, с высокой спинкой, развернуто к окну; раздернутые шторы, сереющее окно, от которого, казалось, здесь было еще темнее. Полки по стенам, на них керамика, непрозрачное гутное стекло, дерево, бронза, фарфор: фигурки животных и людей, подсвечники, странной формы сосуды и пивные кружки, причудливые куски дерева и корявые корни, куклы в национальной одежде, бронзовые и фарфоровые колокольчики...

Неподвижные, мертвые, странные, несочетаемые вещи, свезенные бог весть с каких окраин мира и собранные в одном месте... Зачем-то.

В глазах рябит. Музей. Сувениры? Путешествовал много?